

А.В. СНИГИРЕВ

УДК 821-312.9
ББК Ш33(0)63-444,51

«АСТРОНАВТЫ» В «СТРАНЕ БАГРОВЫХ ТУЧ»: ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ «СТРУГАЦКИЕ – ЛЕМ»

Аннотация. В работе на конкретном историко-литературном примере анализируется зачастую почти неуловимая грань между такими понятиями, как «плагиат», «заимствование», «влияние». Исследователи творчества братьев Стругацких неоднократно отмечали взаимосвязь повестей и рассказов, принадлежащих перу соавторов, и произведений Станислава Лема. Борис Стругацкий объяснял это «общностью мировоззрений» и настаивал на том факте, что произведения Лема были прочитаны уже после того, как они с братом написали ту или иную книгу. Но воспоминания – это всегда «игры с памятью», и заявления Бориса Стругацкого тому яркий пример: опубликованные Светланой Бондаренко материалы, письма, дневники, издательские рецензии и пр., а также сопоставительный анализ текстов дает иную картину, недвусмысленно указывая на то, что соавторы на момент написания той или иной книги уже были знакомы с произведением Лема, и использовали его при создании своего текста. Сопоставительный анализ двух произведений наглядно демонстрирует заимствования Стругацкими на всех уровнях – от образной системы и сюжетных линий до мировоззренческого и стилистического. Также рассматриваются причины и характер такого заимствования, которое во многом стало результатом попытки ухода от сложившегося в советской фантастике того периода канона. Особое внимание уделено изменениям, которые братья Стругацкие внесли через десять лет в третье издание повести «Страна багровых туч», так как они дают картину роста соавторов как писателей и попытку отойти от влияния Лема.

Ключевые слова: Стругацкие, Лем, «Астронавты», «Страна багровых туч», фантастическая литература, заимствования, влияние, Светлана Бондаренко

Когда в мае 1957 года Аркадий Стругацкий отметил в письме: «На днях купил «Астронавты» Лема <...> и, естественно, прочитал. Полным-полно того, что ты называешь заштатной жульверщиной, стиль богомерзкий, но идеи есть неплохие. Скверно то, что во многом

перекликается с нашей СБТ (вплоть до того, что один из героев взбирается вверх по расщепленной скале, чтобы обозреть окрестности). Много научных промахов. Одним словом, г...» [Неизвестные Стругацкие 2008: 282], то он вряд ли подозревал, что это имя – Лем – будет сопровождать все неполные 35 лет творческой жизни братьев Стругацких.

Все эти годы, да и позже, когда не стало Аркадия Стругацкого, и автор «Аркадий и Борис Стругацкий» перестал существовать, рецензенты, читатели, критики, исследователи – все в той или иной мере или указывали на несомненное сходство между произведениями советских и польского фантастов, или говорили о возможном влиянии, или даже заявляли об очевидном плагиате и т.д. Так, например, еще до публикации повести «Попытка к бегству», в момент, когда данное произведение рассматривалось в издательстве, появилась внутренняя рецензия К. Андреева, в которой сказано: «В описании этих событий чувствуется некоторое влияние «Эдема» Станислава Лема» [Неизвестные Стругацкие 2008: 541]. Были и более жесткие и определенные высказывания.

Борис Стругацкий, особенно в последние годы, посвященные комментированию и редактированию творчества братьев Стругацких, неоднократно отвечал на вопросы о степени влияния польского фантаста: «Сходство между Лемом и АБС замечено специалистами уже очень давно. Существует целая серия «парных» произведений. «Эдем» – «Попытка к бегству»; «Астронавты» – «Страна багровых туч»; «Гетрадь, найденная в ванне» – «Улитка на склоне»... и т.д. Прямым влиянием объяснить это невозможно – по-польски мы не читали, а русские переводы Лема приходили к нам через два-три-четыре года после того, как АБС уже написали и опубликовали свое соответствующее «парное» произведение. Я лично объясняю эту загадку огромным сходством менталитетов» [Стругацкий 2009: 406] и в другом месте, более резко: «самое замечательное, что никакого ВЛИЯНИЯ Лем на нас никогда не оказывал. По-польски мы не читали, а переводы попадали нам в руки только месяцы и годы спустя после того, как «соответствующая» вещь АБС была уже написана и даже напечатана» [Стругацкий 2009: 83].

Но воспоминания – это всегда «игры с памятью», и заявления Бориса Стругацкого тому яркий пример: опубликованные благодаря почти подвижнической деятельности Светланы Бондаренко материалы, письма, дневники, издательские рецензии и пр., а также сопоставительный анализ текстов дает иную картину.

Так, анализ переписки между братьями выявляет, что до момента написания «Попытки к бегству» (начало работы непосредственно над текстом – март 1962 года) они были знакомы с романом Лема «Эдем»: «Твой брат, соавтор и покорный слуга уже полгода бьется, пытаясь протолкнуть хоть куда-нибудь гораздо более безобидную вещь – «Эдем» в переводе (и неплохом) Абызова» [Неизвестные Стругацкие 2008: 528]. Там же есть упоминание, что авторы знакомы с романом С. Лема «Рукопись, найденная в ванной» (Письмо от 3 апреля 1964 г.), в то время как авторы только 1965 написали повесть «Улитка на склоне».

Более подробно о соотношении «Эдем» – «Попытка к бегству» и «Рукопись, найденная в ванной» – «Улитка на склоне» мы уже писали в главе коллективной монографии «Феномен творческого кризиса», поэтому остановимся на третьей (а хронологически – первой) паре произведений, вызывающих споры о возможности влияния или даже прямого заимствования: «Астронавты» и «Страна багровых туч».

Отметим, что история создания и издания первой повести братьев Стругацких неоднозначна, и запутана во многом стараниями Бориса Стругацкого. Неоднозначно даже то, что написание «Страны багровых туч» (и начало совместной писательской работы) стало результатом пари между братьями и женой Аркадия Стругацкого. В различных интервью и комментариях указывается как различные временные точки (1955, 1956 или 1957 гг.), так и обстоятельства: было ли пари вызвано спором о состоянии фантастической литературы вообще или же обсуждением книги Владимира Владко «Аргонавты вселенной» (на чем настаивает В. Кайтох в своей работе «Братья Стругацкие. Очерк творчества» [Кайтох 2007]), и повесть соавторов стала переосмыслением уже существовавшего текста. Отметим, что данное событие (пари), вполне возможно, относится к ряду «легендированных», к которым имел склонность Аркадий Стругацкий, обладавший незаурядным мастерством рассказчика и развлекавший собеседников историями о сидении на гауптвахте с сыном маршала Конева или о поездке на катере к береговой линии то ли Японии, то ли Кореи с целью спасения шпиона.

Письма, дневники и (с большой осторожностью) комментарии Бориса Стругацкого позволяют выстроить следующую историческую последовательность событий, связанных с повестью «Страна багровых туч»:

1953 год. Аркадий Стругацкий размышляет о написании повести «Страна багровых туч» (варианты названия: «Первые», «Берег горячих туманов»), и его брат в письмах дает комментарии научного и художественного плана.

1954 год. Письма за этот период утеряны, но, вероятно, именно тогда братья решают писать повесть совместно.

1955 год. Борис и Аркадий создали примерный план повести (при этом младший брат позже сомневается касательно датировки письма, в котором обсуждает данный план – 1954, 1955 или 1956, но, скорее всего, именно 1955), начали работу над текстом. В журнале «Польша» выходят главы из «Астронавтов» С. Лема, названные «Звезда земли». По всей видимости, Аркадий данный текст прочитал, и в это же время в периодической печати выходит повесть В. Владко «Аргонавты вселенной» с которой старший автор тоже знаком, как следует из письма от 29 сентября 1957: «Издали *отдельно* (курсив наш – А.С.) «Астронавты», «Аргонавты вселенной» – убожество...» [Неизвестные Стругацкие 2008: 295].

1956 год. Стругацкие продолжают работу над текстом, обсуждают его в письмах, датировка которых сомнительна (есть вероятность их отнесения к 1955 году).

1957 год. Рукопись «Страны багровых туч» закончена, Аркадий Стругацкий относит ее в «Детгиз», читает в полном варианте «Астронавтов» С. Лема, происходит внесение правки в рукопись на основании издательских рецензий.

1958 год. В рукопись «Страны багровых туч» вновь вносятся изменения.

1959 год. Повесть «Страна багровых туч» после внесения очередной правки издана.

1960 год. Второе издание. Аркадий Стругацкий работает над сценарием к фильму по повести под впечатлением экранизации «Астронавтов» С. Лема: «...посмотрев «Молчаливую звезду» Лема <...> решил заняться сценарием вплотную...» [Неизвестные Стругацкие 2008: 457].

1969 год. Третье издание, включающее в себя значительные изменения.

Нетрудно заметить, что знакомство соавторов с книгами В. Владко и С. Лема очевидно, особенно на завершающем этапе работы, когда вносились значительные правки и изменения в текст «Страны багровых туч». И если в случае с повестью «Аргонавты вселенной» степень влияния не является высокой, потому как оба произведения воспроизводят стандартную схему книги о путешествии к другой планете и восходят к тому, о чем писал еще Жюль Верн (за исключением того, что в процессе работы целью экспедиции соавторы сделали, как В. Владко, добычу радиоактивных элементов), то заимствования из «Астронавтов» более значительны.

Особенно ярко они проявляются при сравнении трех текстов: «Астронавтов», «Страны багровых туч» 1959 года издания и «Страны багровых туч» 1969 года издания (к этому времени братья Стругацкие не только читали С.Лема, но и были лично с ним знакомы и активно использовали его тексты при создании собственных, о чем упоминалось выше).

Очевидные взаимосвязи сюжетных ходов и образной системы «Астронавтов» и «Страны Багровых туч» были уже неоднократно рассмотрены, наиболее удачную «выжимку» таковых совпадений создал Д.Н. Никитин: «Удивительно, как совпадает набор испытаний, через который приходится пройти героям «Астронавтов» и «Страны багровых туч». Это неожиданная опасность во время казавшегося до того безмятежным межпланетного перелета (метеоритный поток у Лема, лучевой выброс у Стругацких); тяжелые перегрузки (при уходе от метеоритов у Лема и при посадке на Венеру у Стругацких); изматывающий пеший переход по планете после потери транспортного средства (вертолет у Лема, вездеход у Стругацких); встреча с бурей (грозовой у Лема, песчаной у Стругацких); и угрожающим потоком некоего само движущегося вещества (черной плазмы у Лема, красной пленки у Стругацких); поиски загадочно исчезнувшего члена экспедиции (благополучно завершившиеся у Лема, трагически безуспешные у Стругацких)». [Никитин: электронный ресурс].

Если говорить о различиях в изданиях «Страны багровых туч», то исследователи обычно замечают наиболее очевидные и бросающиеся в глаза моменты – так, например, переименование всех китайцев в книге в японцев или англосаксов на фоне изменения в худшую сторону советско-китайских отношений. Зачастую это вводит в заблуждение, и даже такой старательный исследователь, как Светлана Бондаренко, не усмотрела принципиальной разницы и написала: «в основном же текст 1969 года был тот же» [Неизвестные Стругацкие 2007: 142].

Но все это – совпадение сюжетных ходов и героев – может быть обусловлено, например, жанровой спецификой произведения – в конце концов, почти в каждом романе или повести о полете на другую планету встречается описание метеоритной атаки и т.д.

Попробуем взглянуть на эволюцию и взаимосвязь текстов Стругацких и Лема с иной точки зрения, поднявшись на уровень выше.

Изначально создаваемая в рамках традиции «фантастики ближнего прицела» (Г. Адамов, А. Казанцев, Г. Мартынов и др.), повесть Стругацких в процессе редактирования и подготовки к переизданию значительно отошла от традиционного шаблона, который, по едкому замечанию В. Кайтоха, был близок к «производственному роману»

[Кайтох 2007: 427]. Также была ослаблена «заштатная жюльверщина» (как сами Стругацкие определяли описание научных открытий и достижений, традицию, заложенную в фантастической литературе Жюлем Верном).

Но, что самое важное – появилось то, что стало отличительной чертой для последующего творчества авторов, то, что они определяли как «приключения духа». Становится ошутим акцент на психологию героев, их реакцию на обстоятельства и взаимоотношения друг с другом. Так, например, конфликт главного героя, Быкова, с «пижоном» Юрковским, длившийся на протяжении всего текста, в финале, после перенесенных совместных испытаний, перерос в дружбу, чувство, которое станет важнейшим человеческим чувством в дальнейших произведениях авторов.

Анализ вариантов, переписки и изданий показывает, что процесс усиления психологической составляющей был долгим, изначально в тексте присутствовали не герои, а картонные шаблоны, и понадобилось время и большое количество черновиков, чтобы капитан автобронетанковых войск Громыко стал инженером Быковым, думающим, переживающим и живым.

Также и у Лема – по мере разворачивания повествовательной ткани происходит изменение акцентов. Начинается повесть как произведение о контакте с пришельцами (автор выдвигает предположение о том, что Тунгусский метеорит – это космический корабль, что было позже, в повести «Понедельник начинается в субботу» спародировано теми же Стругацкими). Затем «Астронавты» становятся повестью о полете к другой планете, со всеми традиционными штампами. И, наконец, в финале становятся психологической драмой, центральный герой которой, пилот вертолета Роберт Смит вынужден вновь пережить на Венере то, что пережил на Земле до этого – он несет на плечах через скалы раненного товарища и не знает, жив ли он или нет, стоит нести его дальше или можно бросить труп и продолжить путь налегке.

Следующим принципиальным изменением в «Стране багровых туч» стал частичный отказ авторов от объяснимости и интерпретируемости окружающего героев мира, тот самый прием, который был более полно развернут под влиянием «Эдема» С. Лема в повести «Попытка к бегству». Так, конфликт между Юрковским и Быковым объясняется почти в самом начале – в главе «Буфет межпланетников», которая была изъята уже в процессе работы над первым изданием, и поэтому о причинах неприязни «инженера» и «пижона» читатель только догадывается, так же как он вынужден догадываться, как и почему пропал на Венере Богдан Спицын, один из членов экспедиции, хотя в

черновиках присутствуют объяснения его исчезновения. Показательно, что глава со знаковым названием «Лев Вальцев объясняет» (Вальцев – ранняя версия фамилии еще одного героя – Дауге) была также удалена, и в тексте осталось лишь упоминание, что Дауге долго разговаривал с Быковым, после чего последний долго не мог уснуть. Еще более характерный пример – причины галлюцинаций (герою привиделся дракон, и он открыл стрельбу), которые преследуют Дауге на Венере, никак не объясняются, и только обращение к уже упоминавшейся книге В. Владко «Аргонавты вселенной», где в самом начале прибытия на Венеру героям также привиделся дракон, делают понятным характер этой сцены, ставшей иронической отсылкой к уже существующему произведению.

Что характерно, при подготовке к переизданию 1969, сцены и диалоги, связанные с идеей непознанности мира, и, чего не было в издании 1959 года – его абсурдности, были усилены при подготовке или добавлены новые. Так, например, в первой главе Быков заходит в кабинет Краюхина и принимает за людей скафандры, но если в первоначальной версии это лишь малозначимая деталь, то в издании 1969 года абсурдность и ирреальность обстановки кабинета усилены за счет подчеркивания схожести лысой головы хозяина кабинета и защитных колпаков у скафандров, а веревка на шее одного из «людей» оказывается кислородным шлангом.

В «Астронавтах» Лема «неполнота познания мира» присутствует, хоть и в меньшей степени, в отличии, скажем, от поздних произведений, где эта идея зачастую трансформируется в мысль об «абсурдности и непознаваемости мира». Например, герои «Астронавтов» так и не могут выяснить, что же в точности произошло на Венере, остались ли живые представители инопланетной цивилизации, и так далее.

Пытаясь отойти от традиций, сложившихся в советской фантастике, от которой они были сами несвободны (достаточно прочитать «Первые» – несколько начальных глав, написанных Аркадием Стругацким, и выросших впоследствии в «Страну багровых туч»), соавторы, возможно, все же переосмыслили роман С. Лема, и все говорит о существовании такой возможности. Стараясь вырваться из замкнутого пространства, в котором шпионы-вредители пытаются погубить подводную лодку «Пионер», а гигантские жуки и стрекозы нападают на китайско-советский экипаж астролета на Венере, они увидели возможность в том, чтобы воспользоваться текстами польского фантаста как отмычками, чтобы оказаться в пространстве свободы творчества.

Разумеется, не может не возникнуть вопрос о том, почему Лем, всегда резкий и прямолинейный в своих суждениях (достаточно

вспомнить, что он кричал в лицо А. Тарковскому, когда понял, как тот изменил авторскую идею в «Солярисе») ничего не говорил ни в интервью, ни при личных встречах Стругацким о том, что они иногда приближаются к опасной границе плагиата, переосмысляя его, Лема, идеи и виденье мира. Наверное, причина в том, что он всегда был на шаг или два впереди – в то время, когда герои Стругацких все еще были в космосе и не была сказана фраза «Главное – на земле», Лем уже давно писал социально-психологическую или абсурдистскую фантастику, а потом сделал тот шаг, который Стругацкие так и не смогли совершить – шагнул в философскую фантастику, а потом и просто в философию, и ему было уже не так важно, кто идет по его следам.

ЛИТЕРАТУРА

Кайтох В. Братья Стругацкие. Очерк творчества // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Бессильные мира сего. – М. АСТ 2007. – 669с.

Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. / Ред.-сост.: С. Бондаренко, В. Курильский – Донецк: Сталкер, 2007. – 635.

Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942-1962 гг. / Ред.-сост.: С. Бондаренко, В. Курильский. М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. – 640с.

Никитин Д.Н. Лем versus Стругацкие: Венера, электронный ресурс: http://samlib.ru/n/nikitin_d_n/lemvsstrug.shtml

Стругацкий Б.Н. Интервью длиной в годы: по материалам офф-лайн интервью. – М.: АСТ, 2009. – 508с.